

10. Markovich V. M. Dyhanie fantazii // Russkaja fantastičeskaja proza jepohi romantizma (1820–1840 gg.) : sb. proizv. – Leningrad : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1991. – S. 5–46.

11. Odoevskij V. F. Pis'ma k grafine E. P. R...J. – Rezhim dostupa: scbist.com»Dnevnik»Admin»...-pisma-k-grafine-e-p-r., svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.

12. Odoevskij V. F. Povesti i rasskazy. – Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1988. – 382 s.

МЕМУАРНЫЕ ЖАНРЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Байбатырова Наиля Мунировна, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: aulova83@mail.ru.

Статья посвящена мемуаристике в публицистическом творчестве писателей «третьей волны» эмиграции. Дневниковые записи, воспоминания, автобиография, автоинтервью, некролог стали для писателей-эмигрантов возможностью самовыражения и исповеди одновременно. В отличие от художественной литературы произведения мемуарной публицистики писателей русского зарубежья второй половины XX в. выполняют познавательные и психологические функции. Мемуарная публицистика – важный источник историографии жизни русской диаспоры в различных странах и городах мира.

Ключевые слова: писатели-эмигранты «третьей волны», мемуары, дневник, автобиография, автоинтервью, воспоминания, публицистика русского зарубежья, авторские жанры, «исповедальная проза».

MEMOIRS GENRES IN JOURNALISM WRITERS OF THE RUSSIAN ABROAD OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Baybatyrova Nailya M., Candidate of Philology, assistant professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a, Tatishchev st., e-mail: aulova83@mail.ru.

The article is devoted to the memoirs in publicistic creativity of writers- emigrants of the “third wave”. The diaries, memoirs, the autobiography, autointerview, the obituary became for writers-emigrants self-expression and confession possibility at the same time. In contrast to the literature works of memoirs feature of the writers of Russian abroad of the second half of the XX century perform the cognitive and psychological functions. A memoir publicism is an important source of historiography of the Russian Diaspora’s life in different countries and cities of the world.

Key words: writers-emigrants of the “third wave”, memoirs, a diary, the autobiography, autointerview, memories, publicism of Russian abroad, author's genres, “intimate prose”.

Литература в жанре мемуаров имеет длительную историю, однако в XX в. она приобретает особое значение, получает новое прочтение и основательно закрепляется в публицистике. Термин «мемуары» пришел из французского языка (от франц. *mémoires*), первоначально же имеет латинское происхождение (от лат. *memoria* – память). Мемуары представляют собой разновидность документальной литературы и в то же время являются одним из видов «исповедальной прозы». Основные признаки мемуарной публицистики – строгое соответствие исторической правде, фактографичность, хроникальность повествования, отказ от «игры» сюжетом, нарочито художественных приемов – особенно интересно проследить в творчестве писателей, которые во второй половине XX в. покинули родину и творили в новой социальной и литературной реальности.

Мемуары в творчестве писателей русского зарубежья получили, пожалуй, самое широкое распространение. Писатель и публицист «третьей волны» эмиграции А. Генис писал: «Сегодня мемуары пишет и стар и млад. Повсюду идет охота на невымысленную реальность. У всех горячка памяти» [4, с. 11]. И добавляет: «Раньше воспоминания писали, чтобы оценить прошлое, теперь – чтобы убедиться: оно было» [4, с. 11]. Прежде всего, мемуары – это произведения, главной темой которых является время, но не время в его течении и последовательности, а время абсолютное и персонафицированное. Необходимо подчеркнуть субъективную организацию мемуарного текста. «Мемуары как один из очень распространенных, но чрезвычайно противоречиво толкуемых жанров не-фикционального литературного повествования недостаточно подвергался анализу, хотя многие исследователи отмечают эту "несправедливость"» [9, с. 272].

В развернутой системе литературно-публицистических жанров достойное место занимают жанры, функциональное назначение которых – служить прямым проводником памяти, ее непосредственным выражением. К таким жанрам в литературоведении исследователи относят следующие мемуарные жанры: собственно мемуары (в узком смысле слова), записки, записные книжки, автобиографии, некрологи, дневники. Мемуаристика «третьей волны» русской эмиграции подразумевает записки-воспоминания писателя о реальных событиях российско-советского прошлого и произошедшего в новой эмигрантской действительности, очевидцем которых ему довелось быть.

По своему материалу, достоверности и отсутствию вымысла мемуары писателей русской эмиграции «третьей волны» близки к исторической прозе русского зарубежья, автобиографическим и документально-историческим очеркам. Однако от автобиографии мемуары отличает установка на отображение не только и не столько личности автора, сколько окружавшей его действительности, внешних событий – социально-политических, культурных, литературных, к которым он оказался причастен. В то же время в отличие от строго научных жанров мемуары подразумевают активное присутствие голоса автора, его индивидуальных оценок и неизбежной пристрастности. Таким образом, одна из доминантных составляющих мемуарной литературы – авторская субъективность.

Мемуарная публицистика – важный источник историографии жизни русской диаспоры в различных странах и городах мира, материал исторического источниковедения. «Третья волна» русской эмиграции избрала «новой землей» не только и не столько Европу, но в большей степени Израиль (этническая эмиграция) и США. Хотя по фактической точности воспроизводимого материала публицистика в жанре мемуаров практически всегда уступает документу, ценность ее велика. Однако историки вынуждены подвергать событийные факты из воспоминаний литературных деятелей критической сверке с имеющимися объективными сведениями.

Писатели русского зарубежья второй половины и конца XX в., безусловно, не были первопроходцами в эмигрантской мемуаристике. Литература русской послереволюционной эмиграции, в которой мемуары вообще играли особо значимую роль, дала наряду с шедеврами прозы в жанре воспоминаний множество образцов мистифицированной и фальсифицированной мемуаристики. Примером может послужить поддельный «дневник» фрейлины императрицы Александры и покровительницы Г. Распутина А.А. Вырубовой.

Рассмотрим возможные разновидности мемуарной публицистики и соотнесем их с творчеством известных писателей русского зарубежья второй половины XX в. Теорией и историей мемуарной литературы занимались такие исследователи, как В.С. Голубцов, А. Тартаковский, И.И. Подольская, В. Оскотский. Их видение системы мемуарных жанров несколько различается. В.С. Голубцов, А. Тартаковский, И.И. Подольская говорят о том, что дневники и воспоминания являются типологическим актом мемуаротворчества. На основании этого они относят их к единому мемуарному жанру – это «две группы (или вида) родственных произведений, объединенных понятием "мемуаристика", – дневники как исторически первичная и простейшая

форма запечатления личностью опыта своего участия в исторической жизни и воспоминания (мемуары в узком смысле слова) как более сложная и развитая форма мемуарной культуры». Подобное определение дневника, на наш взгляд, сужает значение содержания жанра и ограничивает его возможности лишь изображением исторического, а не личностного.

В. Оскотский считает, что «дневники... к мемуарам не принадлежат, хотя вполне с ними соотносятся... Но едва ли не сильнее этого <...> сходства существенные различия» [10, с. 49]. Он относит письма и записные книжки к мемуарной литературе, поскольку они «тоже свидетели памяти, закреплённой словом, её опора и скрепы», а дневники в эту группу жанров не включает, хотя и указывает на их соотношение с мемуарной литературой. На этом основании В. Оскотский вводит термин «мемориальный жанр», под которым подразумевает записки, записные книжки, письма, мемуары, дневники. Безусловно, мнение критика в вопросе принадлежности писем и записных книжек к литературе воспоминаний интересно и обосновано, однако мы полагаем, что целесообразнее придерживаться привычного определения жанра, поэтому в дальнейшем будем использовать термин «мемуарные жанры».

Дневник как наиболее близкая к мемуарам форма также характерна как весьма частотный публицистический жанр для писателей второй половины XX в. Специфика речевой организации текста дневника как жанра документально-художественной прозы прежде всего связана с проявлением категорий автора и адресата. По мнению ряда исследователей, речевая структура дневниковых записей подчинена так называемой безадресной стратегии, фактор отсутствия адресата рассматривается как «определяющий режим дневниковой деятельности» [11, с. 103]. Так, безадресность оказывается условной, и дневник рассматривается как «общение с самим собой». Вместе с тем следует учитывать различия между дневниками рядовых людей и писателей, тексты которых «несут на себе отпечаток готовности к тому, чтобы стать достоянием общественности, то есть быть обращённым к двойному адресату» [3, с. 94], а именно к самому себе и одновременно к другому, обычно коллективному адресату.

Таким образом, вопрос о принадлежности дневников к мемуарной литературе предполагает определение сходства и отличия между мемуарами и дневниками. Эти формальные признаки сближают мемуары с жанром дневника, с той существенной разницей, что в отличие от дневника мемуары подразумевают ретроспекцию, обращение к достаточно отдалённому прошлому, и неизбежный механизм переоценки событий с высоты накопленного мемуаристом опыта.

Ещё одна форма бытования публицистики в мемуарной группе жанров – автобиография, к которой, например, охотно обращается А. Солженицын. По просьбе Нобелевского комитета в 1970 г. писатель создаёт краткую и ёмкую автобиографию. Она писалась на английском языке и полностью соответствует требованиям хронологической последовательности событий, краткости, фактологической ёмкости, о чём говорят уже первые строки автобиографии: «Я родился в Кисловодске 11 сентября, 1918 г. Мой отец изучал филологию в Московском Университете, когда с началом войны в 1914 году, прервав учение, он был взят добровольцем на фронт» [13, с. 7]. Нередко автобиографические произведения по своим литературно-публицистическим качествам неотличимы от мемуаров. Но эти жанры могут преследовать и разные задачи. Автобиография легче подвергается беллетризации, переходу в художественную словесность.

Мемуары и дневники писателей русской эмиграции «третьей волны» близки друг другу не только генетически. Их функциональная близость проявляется, вне всяких сомнений, в том случае, когда речь заходит о дневниках, закрепляющих впечатления от политических и литературно-общественных событий в условиях «новой родины», от встреч с интересными и выдающимися людьми, коллегами. У А. Солженицына, например, даже в ежедневных записях, которые велись в лагерном заключении в целях самоанализа, самовоспитания, нравственного самоусовершенствования и ради текущих житейских интересов дня, незримо присутствует частица понимания ценности личного опыта, стремление включить «уходящий день» в бытие. «Архипе-

лаг ГУЛАГ» А. Солженицына нельзя рассматривать как дневник или мемуары, поскольку здесь преобладает художественно-литературная составляющая, однако базисом произведения послужили именно дневниковые записи писателя. В чисто публицистических текстах автора писатель рассказывает о своей жизни на фоне советской эпохи, эмигрантского периода, времени после возвращения на родину. Поэтому в дневниковых записях воплощаются черты исторического самосознания личности писателей русского зарубежья. Различия между дневниками и мемуарами в этом отношении сводятся к тому, что исторический кругозор дневника (а, следовательно, и автора) ограничен пределами настоящего, тогда как историзм воспоминаний в мемуарах измеряется соотношением их с прошлым, ставшим или становящимся историей.

Именно эти признаки личного дневника определили его использование в публицистике писателей русского зарубежья второй половины XX в. В условиях эмиграции дневник как форма изложения событий, изначально предполагавшая полную открытость, искренность мыслей и многообразие чувств пишущего, позволила писателям адаптироваться в новой зарубежной действительности, в корне отличавшейся от советской. Вышеперечисленные свойства придавали дневнику писателей «третьей волны» такую тональность интимности, лиричности, страстности интонации, с какими трудно сравняться другим литературным жанрам.

Мемуарно-публицистическая проза Эдуарда Лимонова представлена двумя сборниками некрологов. Э. Лимонов работал в жанре некролога, о чем говорил с гордостью и присущей ему эксцентричной маниакальностью. «В таком виде я представляю вам жизнь без подделки. Я демонстрирую вам итоги жизни. А они неутешительны для индивидуальных особей ("физических лиц" – говорит неуклюжее государство): словосочетание "плохо кончил", увы, применимо ко всем, кто жил со мной на Земле», – пишет Э. Лимонов в «Книге мертвых» [6, с. 7]. На страницах этой публицистической книги жанр некролога несколько расширенный, полный автобиографических воспоминаний, отступлений. Первоначально некролог выступал как чисто газетный жанр, отвечал требованиям относительной краткости, конкретности, наличию клишированных оборотов. Э. Лимонов как писатель и публицист авторски преобразует некролог, показывая читателю собственное отношение к смерти.

Его широко известная «Книга мертвых» представляет собой сборник историй родительских смертей, последних лет, месяцев, недель и дней жизни друзей, коллег, знакомых. Процесс умирания у Э. Лимонова иногда описан с жутковатыми подробностями, способными шокировать неподготовленного читателя. Автору присущ предельный документализм, однако он художественно обработан и стилистически «подстраивается» под общую авторскую парадигму Э. Лимонова. Он пишет о людях известных в большей или меньшей степени, а также о своих знакомых, одноклассниках, бывших женах и любовницах, родителей. Сергей Довлатов, певица и писательница Наталья Медведева (она же бывшая супруга), православный поэт Александр Непомнящий предстают перед читателем с обыденной и не всегда хорошей стороны. Некрологи Э. Лимонова иногда шокирующие, иногда сатирически злые, натуралистичные. О принципах этики и морали автор думает в последнюю очередь. Он с легкостью нарушает неписаное общечеловеческое правило: «О мертвых либо хорошо, либо ничего». Жанр некролога в данном случае расширен. Признаки нескольких жанровых форм – мемуары, дневник, биографический очерк, эссе, некролог – переплетены в публицистических текстах Э. Лимонова, который называет их некрологами.

Рассмотрим некролог из второй части «Книги мертвых» Э. Лимонова, посвященный не менее известному писателю-эмигранту «третьей волны» С. Довлатову. В главе «Без градусов души. Сергей Довлатов» [6, с. 74–96] автор совмещает жанры воспоминаний, портретного очерка и собственно некролога. Показательно, что Довлатов не попал в первый том «Книги мертвых», хотя вскользь там упоминается. Видимо, на тот момент Э. Лимонов, больше увлекавшийся революцией, нежели литературой, еще не оценил масштабов популярности Сергея Донатовича в России, а теперь, поскольку «Некрологи» – еще и своеобразные итоги, привычно решил его ос-

порить, поскольку из прозаиков, проявившихся в эмиграции, пожалуй, лишь они вдвоем избежали быстрого забвения.

Поражает революционно свободное от внутренней цензуры описание Э. Лимонова: «Довлатова помню, как такое сырое бревно человека. <...> Красноватое бревно с бульбой носа, неармянского (он говорил, что он наполовину армянин), но бульбой, вокруг черепа – бесформенный ореол коротких неаккуратных волос. Он умудрялся всегда быть с краю поля зрения. И всегда стоять. Именно сиротливым сырым бревном» [6, с. 74]. Так о Довлатове еще не писали. Взгляд Э. Лимонова свеж и непосредствен, писатель не стесняется грубо-насмешливой интонации, резких оценок, заочных споров с авторитетным мнением коллег и читателей.

Среди жанров публицистики в литературе русского зарубежья второй половины XX в. следует назвать и новые жанровые формы, которые не вписываются в общепринятую жанровую систему. Авторские жанры как явление свободно и хаотически возникающих форм у советско-российских авторов получили за рубежом широкое распространение. Так, А. Генису принадлежит авторский жанр, обозначенный им как «филологический роман». Произведение «Довлатов и окрестности» [4, с. 7–268] трудно классифицировать однозначно, поскольку синтетическая природа жанра включает признаки дневника, портретного очерка, репортажа. Однако отчетлива мемуарная природа этого филологического романа. А. Генис писал про С. Довлатова: «Смешиваясь с другими, Довлатов вписывался в изящный узор. Свою писательскую биографию он не вынашивал, а ткал, как ковер» [4, с. 11]. Точно так же сам автор ткал жанровую форму филологического романа.

У М. Эпштейна находим жанр автоинтервью, который также можно отнести к жанровой группе мемуаристики. В автоинтервью отчетливо просматривается отображение собственного отношения к какому-либо событию, явлению, человеку. Автор предстает в двух ипостасях: журналиста-интервьюера и ответчика-интервьюируемого. В данном случае задача воздействия на читателя решается степенью авторитета, убедительности суждений интервьюируемого лица, которым является автор. Но авторитет не единственное средство эмоционального воздействия жанра автоинтервью на читателя. Интервью обычно не само событие, а комментирующее событие. Сила воздействия автоинтервью на читателя – в прямой зависимости от содержательной нестереотипности высказанного суждения, его индивидуальной конкретности, его соавторства. Автоинтервью зависит от точности поставленных журналистом вопросов, соответствия духовному уровню собеседника. Наиболее результативно интервью для яркой и компетентной передачи деталей события, особенно хорошо известных именно интервьюируемому лицу.

Таким образом, в литературе русского зарубежья второй половины XX в. использование мемуарных жанров публицистики было во многом обусловлено конкретно-историческими причинами, а также общелитературными тенденциями. Жанр рождается из потребности и исчезает, если исчезает потребность в нем. Общественные потребности вызывали обилие мемуарных жанров к жизни. Устойчивые признаки мемуаров как формы словесности – фактографичность, преобладание событий, ретроспективность, непосредственность свидетельств. Очевидно, что эти качества не обеспечивают «чистоты жанра». Мемуары остаются одним из наиболее подвижных жанров с чрезвычайно нечеткими границами. Жанровые границы привычных мемуаров, автобиографий, воспоминаний, некрологов, дневников во второй половине XX в. раздвигались либо менялись в соответствии с установками советского литературоведения (из условий которого эмигрировали писатели «третьей волны») и тенденциями западной литературы (в среду которой они погрузились).

Список литературы

1. Барштейн А. И. Документальная проза и ее жанровые модификации в советской литературе последнего десятилетия / А. И. Барштейн. – Вильнюс : МО Литовск. ССР, Шауляйский педагогич. ин-т им. К. Прейкшаса, 1989. – 90 с.

2. Богданов А. Мемуарная литература / А. Богданов // Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л. И. Тимофеева, С. В. Тураева. – Москва : Просвещение, 1974. – С. 205–206.
3. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – Москва, 1993. – С. 94.
4. Генис А. Три: Личное / А. Генис. – Москва : Подкова : ЭКСМО, 2002. – 456 с.
5. Колядич Т. Воспоминания писателей XX века (эволюция, проблематика, типология) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. Колядич. – Москва, 1999.
6. Лимонов Э. Книга мертвых – 2. Некрологи / Э. Лимонов. – Москва : Лимбус пресс, 2010.
7. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова и [др.]. – Москва, 1987.
8. Лихачев Д. Прошлое – будущему / Д. Лихачев. – Ленинград, 1985.
9. Милевская Т. Е. Мемуары: Человек и время. Время и текст. Текст и человек / Т. Е. Милевская // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен : мат-лы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. – Москва : Новый гуманитарный университет Н. Нестеровой, 2003. – Ч. 1.
10. Оскоцкий В. Дневник как правда / В. Оскоцкий // Вопросы литературы. – 1993. – № 5. – С. 47–58.
11. Радзиевская Т. В. Текст как результат безадресной стратегии / Т. В. Радзиевская // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, действительность. – Москва, 1992.
12. Смольнякова И. Л. О принципах классификации современной мемуарной литературы / И. Л. Смольнякова // Проблемы реализма. – Вологда, 1979. – Вып. 6. – С. 152–164.
13. Солженицын А. Автобиография / А. Солженицын // LES PRIX NOBEL EN 1970. – STOCKHOLM, 1971. – С. 160–163.
14. Шайтанов И. О. Как было и как вспомнилось (современная автобиографическая и мемуарная проза) / И. О. Шайтанов. – Москва : Знание, 1981. – 63 с.
15. Эпштейн М. Все эссе : в 2 т. / М. Эпштейн. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – Т. 2: Из Америки. – 704 с.

References

1. Barshtejn A. I. Dokumental'naja proza i ee zhanrovyje modifikacii v sovet-skoj literature poslednego desjatiletija. – Vil'njus : MO Litovsk. SSSR, Shauljajskij pedagogich. in-t im. K. Prejkshasa, 1989. – 90 s.
2. Bogdanov A. Memuarnaja literatura / A. Bogdanov // Slovar' literaturovedcheskih terminov / pod red. L. I. Timofeeva, S. V. Turaeva. – Moskva : Prosvewenie, 1974. – S. 205–206.
3. Vinokur T. G. Govorjajij i slushajuwij. Varianty rechevogo povedenija. – Moskva, 1993. – S. 94.
4. Genis A. Tri: Lichnoe. – Moskva : Podkova : JeKSMO, 2002. – 456 s.
5. Koljadich T. Vospominanija pisatelej HH veka (jevoljucija, problematika, tipologija) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Moskva, 1999.
6. Limonov Je. Kniga mertvyh – 2. Nekrologi. – Moskva : Limbus press, 2010.
7. Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' / pod red. V. M. Kozhevnikova i [dr.]. – Moskva, 1987.
8. Lihachev D. Proshloe – buduwemu. – Leningrad, 1985.
9. Milevskaja T. E. Memuary: Chelovek i vremja. Vremja i tekst. Tekst i chelovek // Russkoe zarubezh'e – duhovnyj i kul'turnyj fenomen : mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. : v 2 ch. – Moskva : Novyj gumanitarnyj universitet N. Nesterovoj, 2003. – Ch. 1.
10. Oskockij V. Dnevnik kak pravda // Voprosy literatury. – 1993. – № 5. – S. 47–58.
11. Radzievskaja T. V. Tekst kak rezul'tat bezadresnoj strategii // Chelovecheskij faktor v jazyke: kommunikacija, modal'nost', dejstvitel'nost'. – Moskva, 1992.

12. Smol'njakova I. L. O principah klassifikacii sovremennoj memuarnoj literatury // Problemy realizma. – Vologda, 1979. – Вып. 6. – С. 152–164.
13. Solzhenicyn A. Avtobiografija // LES PRIX NOBEL EN 1970. – STOCKHOLM, 1971. – С. 160–163.
14. Shajtanov I. O. Kak bylo i kak vspomnilos' (sovremennaja avtobiografiche-skaja i memuarная проза). – Moskva : Znanie, 1981. – 63 s.
15. Jepshtejn M. Vse jesse : v 2 t. – Ekaterinburg : U-Faktorija, 2005. – Т. 2: Iz Ameriki. – 704 s.

**«ПОРТУГАЛЬСКИЕ СОНЕТЫ» ЭЛИЗАБЕТ БАРРЕТ БРАУНИНГ
В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ¹**

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Пензенская государственная технологическая академия, 440039, Россия, г. Пенза, проезд Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11; академик, Международная академия наук педагогического образования, 127051, Россия, г. Москва, Малый Сухаревский переулок, д. 6, e-mail: ivb40@yandex.ru.

Ионова Елена Леонидовна, старший преподаватель, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 440028, Россия, г. Пенза, ул. Г. Титова, 28, e-mail: ivb40@yandex.ru.

В статье осуществлено изучение переводов отдельных произведений из цикла сонетов Элизабет Баррет Браунинг “Sonnets from the Portuguese” («Сонеты с португальского», 1850), выполненных в последние десятилетия XX в. Г.М. Кружковым, М.Я. Бородинской, А.В. Париным, А.А. Щербаковым. Для проведения сравнительно-сопоставительного анализа также привлечены переводы М.О. Цетлина (Амари) – И. Астрова (Раппопорта-Ястребцева) и Я.А. Фельдмана, интерпретировавших в разные годы весь сонетный цикл. Авторы статьи отмечают мастерство переводчиков, сумевших передать специфику любовно-мечтательной лирики Баррет Браунинг, сохранить четырнадцатистроичную сонетную форму в духе воспринятых поэтессой петраркистских традиций.

Ключевые слова: Элизабет Баррет Браунинг, сонет, любовная лирика, художественный перевод, русско-английские литературные связи, компаративистика, межкультурная коммуникация.

**“THE PORTUGUESE SONNETS” ELIZABETH BARRET BROWNING
IN PERCEPTION OF MODERN RUSSIAN POETS-TRANSLATORS**

Zhatkin Dmitry N., Doctor of Philology, professor, Penza State Technological Academy, 440039, Russia, Penza, Gagarin Baydukova / St. Drive, 1a/11; academician, International academy of Sciences of pedagogical education, 127051, Russia, Moscow, Maly Sukharevsky Lane, 6, e-mail: ivb40@yandex.ru.

Ionova Elena L., senior teacher, Penza State University of Architecture and Construction, 440028, Russia, Penza, G. Titov St., 28, e-mail: ivb40@yandex.ru.

The article deals with the analysis of the interpretations of Elizabeth Barret Browning's “Sonnets from the Portuguese” (1850) done by the contemporary Russian poets and translators G.M. Kruzchkov, M.Y. Boroditskaya, A.V. Parin, A.A. Tsherbakov. In order to make a comparative analysis the translation done by M.O. Tzetlin (Amary) – I. Astrov (Rappoport-Yastrebtsev) was used as well as the translation done by Y.A. Feldman who

¹ Статья подготовлена по проекту 2010-1.2.2-303-016/7 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствознание» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (госконтракт 14.740.11.0572 от 05.10.2010).